

С.В. Полякова

ПОЭЗИЯ ОЛЕЙНИКОВА
(Опыт интерпретации)

I. Творчество Олейникова у нас и за рубежом единодушно понималось как шутливое, ироническое, далекое не только от критицизма, но даже от интересов своего времени. Наиболее выразительно отражения этой мысли заявили о себе неоднократным появлением в юмористических журналах стихотворений Олейникова и характеристик его наследия, а также изданием первого в России сборника поэта в "Библиотеке Крокодила".

Неодолимая потребность в условиях тоталитарного режима всюду видеть скрытые смыслы и странная слепота при истолковании творчества Олейникова объясняется тем, что этот почти рефлекторный механизм поисков в текстах "второго дна" был парализован ложным взглядом на природу олейниковского стиля, отводившим поэту место в ряду таких авторов, как Козьма Прутков, Неелов, Мятлев, Потемкин. Спору нет - в литературе, как и в мироздании, все обусловлено одним другим, но решающей была зависимость не от этих авторов, и первое место принадлежит здесь творчеству Хлебникова. Помимо поэзии Хлебникова к числу слагаемых, образовавших олейниковский стиль, относится стихотворство обериутов, любительская поэзия, а также, возможно, впечатления от живописи художников-примитивистов, непрофессиональных (вывески, работы Пирсманишвили и Руссо) и профессиональных (Гончарова, Ларионов). В их творчестве с большей наглядностью, чем в литературе, представлял мир, увиденный глазами инфантильного наблюдателя, свободный от пародии, иронии и даже улыбки. Точно так же не шутит и Олейников, рассказывая о трагедиях таракана, мухи, карася или непривычным языком говоря с адресатами своих любовных стихотворений.

2. Важнейшее место в поэзии Олейникова отдано стихам, отражающим критическое отношение к действительности. В пьесах этого ряда преимущественно выступают животные. Обращение к традиции басни и животного эпоса обусловлено полемически заостренной идеей разноценности человека и других живых существ, характерными и для таких близких Олейникову поэтов, как Хлебников и

Заболоцкий. Подобная концепция сообщает холодному незаинтересованному ведению рассказа в басне или животном эпосе эмоциональный и тем самым гуманистический характер, распространяющийся на зооморфного героя и в равной степени на скрывающегося под анималистической личиной человека. Сознанием людей, веками антропоцентрически ориентированном, такое уравнение ощущалось однако как инфантилизм и соответственным образом стихи Олейникова неверно интерпретировались.

Самым убедительным примером наличия у Олейникова социального подтекста является знаменитое стихотворение "Таракан", рассказ о муках невинной жертвы. В тридцатые годы, отмеченные массовым насилием, утверждение ценности отдельной личности как бы ничтожна сама по себе она ни была (символом этой ничтожности избрано насекомое) - далеко нешуточная вещь и не только свидетельство гуманного образа мыслей, но и антиправительственная поэзия. На этом смысловом уровне история "мученика науки" оказывается рассказом о методах и следствиях преживаемого страной социального эксперимента, в котором таракан - объект бесчеловечного псевдонаучного опыта организации общества. Все в стихотворении говорит, что перед нами фотография действительности с поправкой на зооморфный маскарад, повесть о безвинности и жестокости, палачах и жертвах. В пьесе заключен и более узкий смысл - издевательство над государственно наложенным учением акад. Павлова. Критическую оценку явлений советской действительности отражают также другие стихотворения с басенными пресонажами - "Карась", "Смерть героя", "Жук антисемит", посвященные той же теме палач-жертва. И за границами басенного мира обнаруживается критическая позиция автора: в "Перемене фамилии" речь идет о типичном для тридцатых годов двоедушии, в "Хвале изобретателям" - о пренебрежении власти к элементарным нуждам личности, "в Служении науке" - об ориентации ее исключительно на потребности государства, перманентные продовольственные затруднения иронически освещены и осмеяны в стихотворении "Неблагодарный пайщик".

3. Любовная лирика Олейникова выдержана в том особом стиле, выработанном поэтом, который был присущ пьесам критического направления. Потому, подобно им, она понималась как травестирующая "настоящую" лирику. Здесь с особой отчетливостью проявилось отрицательное отношение поэта к словесной невоздержанности и словесным роскошествам предшествующей поэтической традиции, реакция на расхожую символистскую поэтику и

изыски акмеистической. Поэтому в любовной лирике Олейникова отсутствует всякая красота, "красивые" ситуации и "красивые" реалии, а приподнятый тон, обычно присущий этому жанру, заменяется резко противоположным ему инфантильным тоном, особой наивно-трогательной формой передачи любовного переживания. Несмотря на своеобразие любовных пьес Олейникова, они все же имеют, если не прямые источники, то близкие аналогии, а именно домашнее стихотворство, предназначенное для "внутреннего" пользования, обычно отмеченное в большей или меньшей степени инфантилизмом дикции.

4. Мир живой природы входит в поэзию Олейникова не только как материал для иносказаний или украшательской орнаментации. Он имеет самостоятельное значение, составляя важную сторону взгляда поэта на действительность. Подобно Хлебникову, Олейников, образно говоря, верит в возможность "конских свобод и равноправие коров" и, подобно Заболоцкому, в среде насекомых видит "зародышей славных Сократов". Тем громче звучит его хвала творению, восхищение совершенством мироздания, значительностью его и тайной. Но и эта тема, классически выраженная еще в Библии, облекается Олейниковым - без нарушения присущего ей эмоционального пафоса - в непривычно инфантильную форму и поэт разрешает себе сказать:

Меня изумляет, меня восхищает
Природы красивый наряд,
И ветер, как муха, летает,
И звезды, как рыбки, блестят.

С восхищенным приятием мира у Олейникова сочетается пессимистическое сознание таящейся в нем дисгармонии, вследствие которой все существующее обречено гибели. Страшный облик собственной провидчески явился поэту в чудовищной фантасмагории "Таракана".

5. Судя по циклу стихов, посвященному описанию произведений живописи, "В картинной галерее" (1935-35 гг.), в творчестве Олейникова намечаются изменения: сквозь обычную манеру наивного примитива уже проклевываются черты иного стиля. Автор заметно отходит от своей боязни прекрасного в его традиционном понимании. Тематика картин и лексика выдержаны в высоком и даже в утонченном регистре, вызывающем в памяти уже не творчество художников народно-наивного направления, а работы изысканных

примитивистов средневековья, вроде Симоне Мартина или братьев Лимбург. В подобных свидетельствах нового художественного стиля не следует однако видеть простое возвращение к художественным принципам, с которыми поэт боролся: то, что он начал делать, пропущено через эстетику авангардизма и оплодотворено ею.